

7111

К. Д. УШИНСКИЙ

РАССКАЗЫ

И

СКАЗКИ

ДЕТГИЗ · 1959

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РИСУНКИ Н. ПЕТРОВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД 1959

~~Обязательный экземпляр~~

Много лет назад в России жил замечательный русский учитель — Константин Дмитриевич Ушинский.

Родился Ушинский в 1824 году. Детство и юность его прошли в маленьком городе — Новгород-Северске. Там он учился в гимназии. Потом окончил университет в Москве.

«Сделать как можно больше пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни», — часто говорил Ушинский.

Большим и важным делом Ушинский считал просвещение русского народа. Он стремился к тому, чтобы в России было как можно больше школ и в них учились дети простых русских людей.

В течение многих лет Ушинский сам учил детей в школе. Он составил для них учебники — «Детский мир» и «Родное слово».

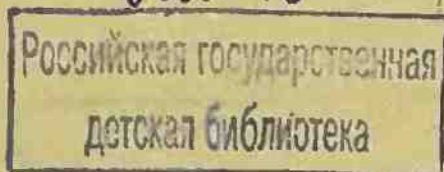
В этих книгах Ушинский рассказывал маленьким читателям о жизни и труде людей, о чудесах природы и о том, как велик и разнообразен окружающий нас мир. Он учил детей горячо любить родной народ и родной язык.

Жизнь Ушинского была нелегка. Царское правительство не одобряло его работу. Под конец жизни великому русскому педагогу не позволили учить детей в школе.

Умер Ушинский в 1870 году.

В этой книге напечатаны маленькие рассказы Ушинского и обработанные им для детей русские народные сказки.

662449 КХ - редк

ЧЕТЫРЕ ЖЕЛАНИЯ

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый, и говорит отцу:

— Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была!

— Запиши твоё желание в мою карманную книжку, — сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

— Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была!

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене и вечером сказал отцу:

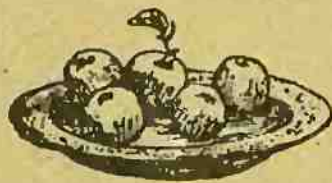
— Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было!

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды — румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:
— Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

ПЧЁЛКИ НА РАЗВЕДКАХ

Настала весна, солнце согнало снег с полей; в пожелтевшей, прошлогодней травке проглядывали свежие, ярко-зелёные стебельки; почки на деревьях раскрывались и выпускали молоденькие листочки.

Вот проснулась и пчёлка от своего зимнего сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подруг, и выглянули они в окошечко — разведать: ушёл ли снег, и лёд, и холодный северный ветер?

Видят пчёлки, что солнышко светит ярко, что везде светло и тепло, выбрались они из улья и полетели к яблоньке:

— Нет ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для бедных пчёлок? Мы целую зиму голодали.

— Нет, — говорит им яблонька, — вы прилетели слишком рано; мои цветы ещё спрятаны в почках. Попытайтесь у вишни.

Полетели пчёлки к вишне:

— Милая вишенка! Нет ли у тебя цветочка для голодных пчёлок?

— Наведайтесь, милочки, завтра, — отвечает им вишня, — сегодня ещё нет на мне ни одного открытого цветочка, а когда откроются, я буду рада гостям.

Полетели пчёлки к тюльпану: заглянули в его пёструю головку; но не было в ней ни запаха, ни мёду.

Печальные и голодные пчёлки хотели уже домой лететь, как увидели под кустиком скромный тёмно-синий цветочек: это была фиалочка. Она открыла пчёлкам свою чашечку, полную аромата и сладкого сока. Наелись, напились пчёлки и полетели домой — веселёшеньки.

чек: это была фиалочка. Она открыла пчёлкам свою чашечку, полную аромата и сладкого сока. Наелись, напились пчёлки и полетели домой — веселёшеньки.

ПРОКАЗЫ СТАРУХИ-ЗИМЫ

Разозлилася старуха-зима: задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего она стала до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться; стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать, — накинулась на зверей. Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса, одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы спрятались; белка в дупле орешки грызёт, медведь в берлоге лапу сосёт; зайнышка, прыгая, греется; а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима — до рыб она добирается; посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клинч-ев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху; а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

«Ну, постой же, — думает зима, — дойму я людей», — и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери, так что брёвна лопаются. А люди затопили печи, пекут себе блины горячие да над зимою посмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись; от лошадей пар валит; извозчики ногами потопывают, рукавицами похлопывают, плечами подёргивают, морозцы похваливают.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребята — и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приди-ка подсобить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, — даже побелеют; а мальчик схватит снега, давай тереть — и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем её не взять, — заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалёко!

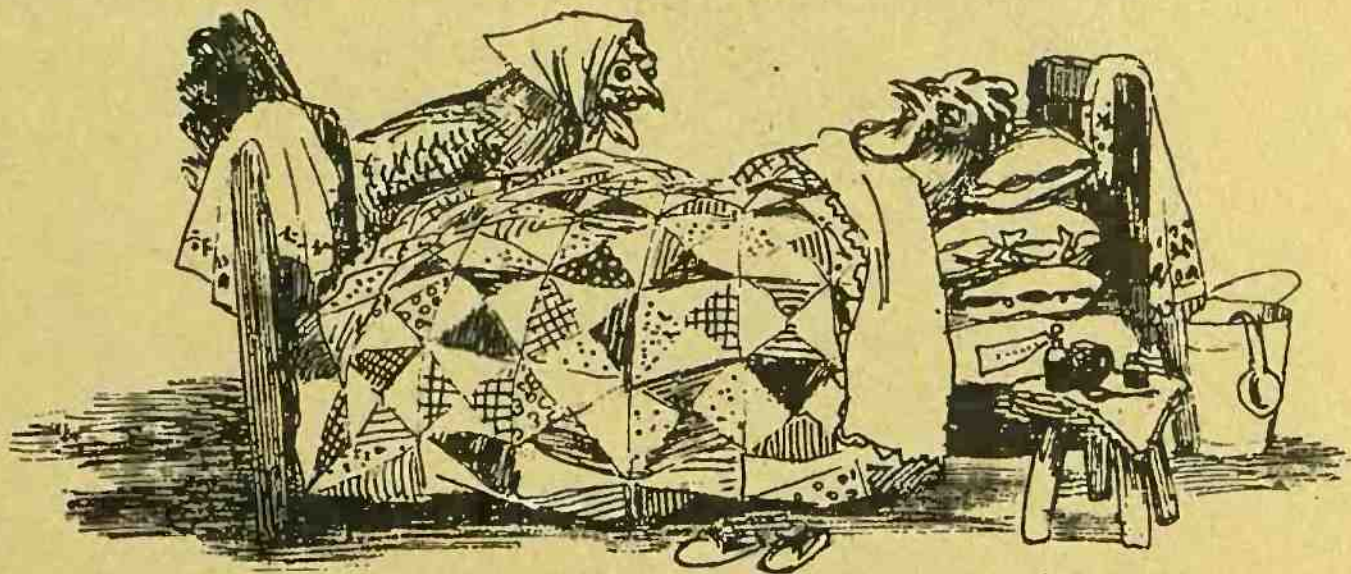
УМЕЙ ОБОЖДАТЬ

Жили-были себе брат да сестра: петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленёхонькую смородину, а курочка и говорит ему:

— Не ешь, Петя! Обожди, пока смородина поспеет.

Петушок не послушался; клевал да клевал и наклевался так, что насилу домой добрёл.

— Ох! — кричит петушок. — Беда моя! Больно, сестрица, больно!

Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник — и прошло.

Выздоровел петушок и пошёл в поле; бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду; а курочка ему кричит:

— Не пей, Петя, обожди, пока остынешь.

Не послушался петушок, напился холодной воды — и тут же стала бить его лихорадка; насилу домой курочка его довела.

Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел петушок к зиме и видит, что речка ледком покрылась; захотелось петушку на коньках покататься, а курочка и говорит ему:

— Ох, обожди, Петя! Дай реке совсем замёрзнуть; теперь ещё лёд очень тонок, утонешь.

Не послушался петушок сестры, покатился по льду; лёд проломился, и петушок — бултых в воду! Только петушка и видели.

МУЖИК И МЕДВЕДЬ

(Сказка)

Подружился медведь с мужиком, и вздумали они вместе репу сеять. Мужик сказал:

— Мне корешок, а тебе, Миша, вершок.

Выросла славная репа.

Мужик взял себе корешки, а Мише отдал вершки. Поворчал Миша, да делать нечего.

На другой год говорит мужик медведю:

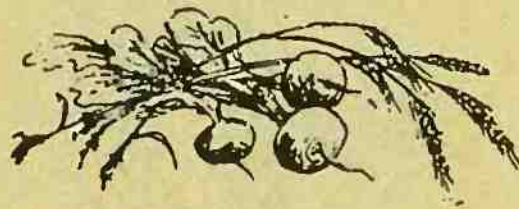
— Давай опять вместе сеять.

— Давай! Только теперь ты себе бери вершки, а мне отдай корешки, — уговаривается Миша.

— Ладно! — говорит сговорчивый мужик. — Пусть будет по-твоему.

И посеяли пшеницу. Хорошая пшеница уродилась. Мужик получил вершки, а Миша корешки.

С тех пор у медведя с мужиком и дружба врозь.

ЛИСА И КУВШИН

(Сказка)

Вышла баба на поле жать и спрятала за снопы кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала, пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может. Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет — отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать — поиграл, да и полно.

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь. Рассердилась лиса:

— погоди же ты, проклятый! Не отстаёшь честью, так я тебя утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть — утонул, да и лису за собой потянул.

ЖУРАВЛЬ

И

ЦАПЛЯ

(Сказка)

Летела сова — весёлая голова; вот она летела, летела и села; хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела, и опять полетела; летела, летела и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела. . . Это присказка, а сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля; построили себе по краям болота избушки и живут. Показалось журавлю скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай, — говорит, — пойду посватаюсь к цапле!» Пошёл — тяп, тяп! Семь вёрст болото месил; приходит и говорит:

— Цапля! Пойди за меня замуж: станем вместе жить.

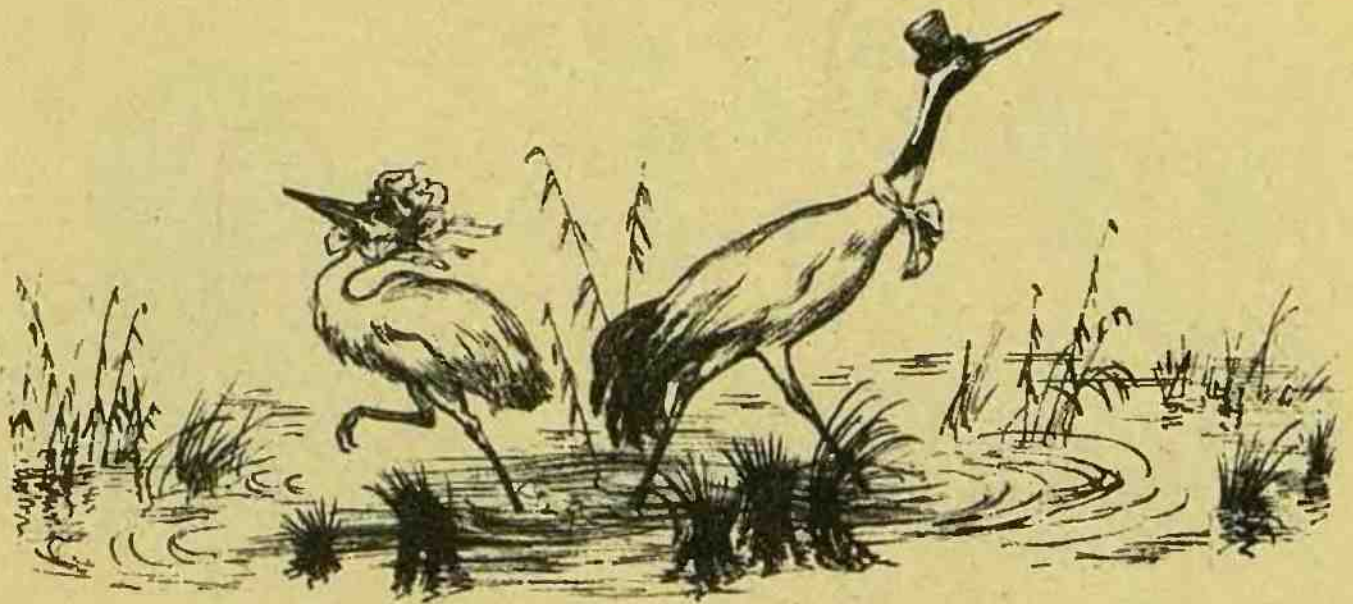
— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж: у тебя платье коротко, ноги очень длинные, сам худо летаешь, кормить меня будет нечем. Ступай прочь, долговязый!

Пошёл журавль домой несолоно хлебавши; а цапля после раздумалась: «Чем жить одной, пойду лучше за журавля». Приходит цапля к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

А журавль сердит:

— Нет, цапля, не возьму тебя замуж; было идти, когда сватал, а теперь — убирайся.

Заплакала со стыда цапля и пошла домой. Журавль раздумал и сказал: «Напрасно не взял за себя цаплю: одному скучно жить; пойду и возьму». Приходит журавль к цапле и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться, пойдя за меня. А цапля сердита на журавля и говорит:

— Иди прочь, долговязый! Не пойду за тебя замуж.

Пошёл журавль домой. Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Пойду лучше за журавля!» Приходит свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они до сих пор по болоту один к другому: сватаются, сватаются, да никак не женятся.

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

(Сказка)

Подружилась лиса с журавлём и зовёт его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж вот как тебя угощу!

Пришёл журавль на званный обед; а лиса наварила манной каши, размазала по тарелке и потчует журавля:

— Кушай, куманёк, кушай, голубчик! Сама стряпала.

Журавль хлоп-хлоп носом по тарелке; стучал, стучал — ничего не попадает. А лиса лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала. Съела лиса кашу и говорит:

— Не обессудь, куманёк! Больше потчевать нечем.

— Спасибо, кума, и на этом, — отвечает журавль, — приходи завтра ко мне.

На другой день приходит лиса к журавлю; а журавль наготовил окрошки, наклал в высокий кувшин с узким горлышком, поставил на стол и потчует:

— Кушай, кумушка, кушай, милая! Право, больше потчевать нечем.

Вертится лиса вокруг кувшина: и так зайдёт, и этак, и лизнёт-то кувшин, и понюхает — всё ничего не достанет. А журавль стоит на своих высоких ногах да длинным носом из кувшина крошку таскает; клевал да клевал, пока всё съел.

— Ну, не обессудь, кумушка, больше угощать нечем. Пошла лиса домой несолоно хлебавши. На этом у них и дружба с журавлём кончилась.

П Е Т У Х И С О Б А К А

(Сказка)

Жил старичок со старушкой, и жили они в большой бедности. Всех животных у них только и было, что петух и собака, да и тех они плохо кормили. Вот собака и говорит петуху:

— Давай, брат Петька, уйдём в лес: здесь нам житьё плохое.

— Уйдём, — говорит петух, — хуже не будет.

Вот и пошли они, куда глаза глядят; пробродили целый день, стало смеркаться — пора на ночлег приставать.

Сошли они с дороги в лес и выбрали большое дуплистое дерево. Петух взлетел на сук, собака залезла в дупло — и заснули.

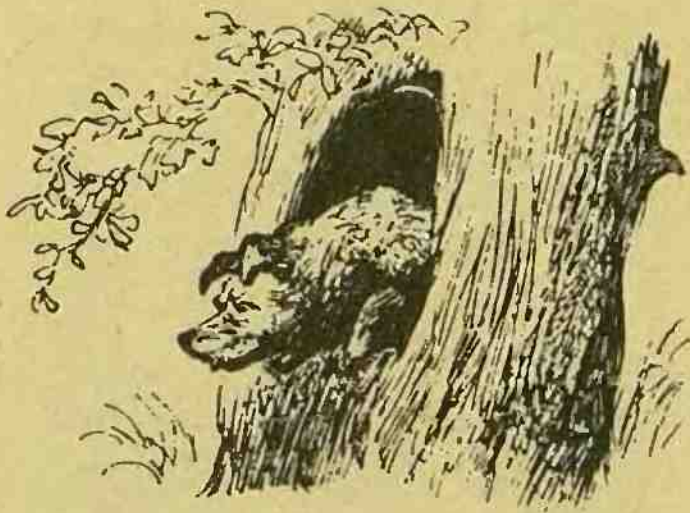
Утром, только что заря стала заниматься, петух и закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

Услыхала петуха лиса; захотелось ей петушьим мясом полакомиться. Вот она подошла к дереву и стала петуха расхваливать:

— Вот петух так петух! Такой птицы я никогда не ви-

662449

дывала: и пёрышки-то какие красивые, и гребень-то какой красный, и голос-то какой звонкий! Слети ко мне, красавчик!

— А за каким делом? — спрашивает петух.

— Пойдём ко мне в гости: у меня сегодня новоселье, и про тебя много горошку припасено.

— Хорошо, — говорит петух, — только мне одному идти никак нельзя: со мной товарищ.

«Вот какое счастье привалило! — подумала лиса. — Вместо одного петуха будет два».

— Где же твой товарищ? — спрашивает она. — Я и его в гости позову.

— Там, в дупле ночует, — отвечает петух.

Лиса кинулась к дуплу, а собака её за морду — цап! . . . поймала и разорвала лису.

ПЛУТИШКА КОТ

(Сказка)

I

Жили-были на одном дворе кот, козёл да баран. Жили они дружно: сена клोक и тот пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идёт раз котишка-мурлышка, серый лобишка; идёт да таково жалобно плачет. Спрашивают кота козёл да баран:

— Котик-коток, серенький лобок! О чём ты плачешь, на трёх ногах скачешь?

Отвечает им Вася:

— Как мне не плакать! Била меня баба, била, уши выдирала, ноги поломала да ещё и удавку на меня припасала.

— А за что же на тебя такая беда пришла? — спрашивают козёл да баран.

— Эх-эх! За то, что нечаянно сметанку слизал.

— Поделом веру и мука, — говорит козёл, — не воруй сметаны!

Вот кот опять плачет:

— Била меня баба, била, била-приговаривала:

«Придёт ко мне зять, где сметаны будет взять? Поневоле придётся козла да барана резать».

Заревели тут козёл да баран:

— Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб! За что ты нас-то сгубил?

Стали они судить да рядить, как бы им беды великой избыть, — и порешили тут же: всем троим бежать.

Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

II

Долго бежали кот, козёл да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была тёмная, холодная; где огня добыть? А котиска-мурлышка уж достал берёсты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбами стукнуться. Стукнулись козёл с бараном, искры из глаз посыпались, берёсточка так и запылала.

— Ладно, — молвил серый кот, — теперь обогреемся! — да, недолго думавши, и зажѣг целый стог сена.

Не успели они ещё порядком обогреться, как жалуется к ним незваный гость — мужичок-серячок, Михайло Потапыч Топтыгин.

— Пустите, — говорит, — братцы, обогреться да отдохнуть: что-то мне неможется.

— Добро пожаловать, мужичок-серячок! — говорит котик. — Откуда идѣшь?

— Ходил на пчельник, — говорит медведь, — пчѣлок проведать, да подрался с мужиками; оттого и хворость прикинулась.

Вот стали они все вместе ночку коротать: козѣл да баран у огня, мурлышка на стог влез, а медведь под стог забился.

III

Заснул медведь; козѣл да баран дремлют; один мурлыка не спит и всё видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый — и прямо к огню.

— Фу-фу! Что за народ такой! — говорит белый волк козлу да барану. — Давайте-ка силу пробовать.

Заблеяли тут со страху козѣл да баран; а котишка-серый лобишка повѣл такую речь:

— Ах ты, белый волк, над волками князь! Не гневи ты нашего старшѣго. Как расходится, — никому несдобровать. Аль не видишь у него бороды; в ней сила: бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сымает. Лучше подойдите да честью попросите: хотим-де погреться с твоим меньшим братцем, что под стогом спит.

Волки на том козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился-крепился да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они Лазаря.

Выбрались волки из-под стога еле живы и, поджав хвосты, давай бог ноги!

Козѣл же да баран, пока медведь с волками рас-

правлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорее домой.

— Полно, — говорят, — без пути таскаться; ещё не такую беду наживём.

Старик и старушка были рады-радехоньки, что козёл с бараном домой воротились; а котешку-мурлышку ещё за плутни выдрали.

Два упрямые козлика встретились однажды на узком бревне, переброшенном через ручей. Обоим разом перейти ручей было невозможно; приходилось которому-нибудь воротиться назад, дать другому дорогу и обождать.

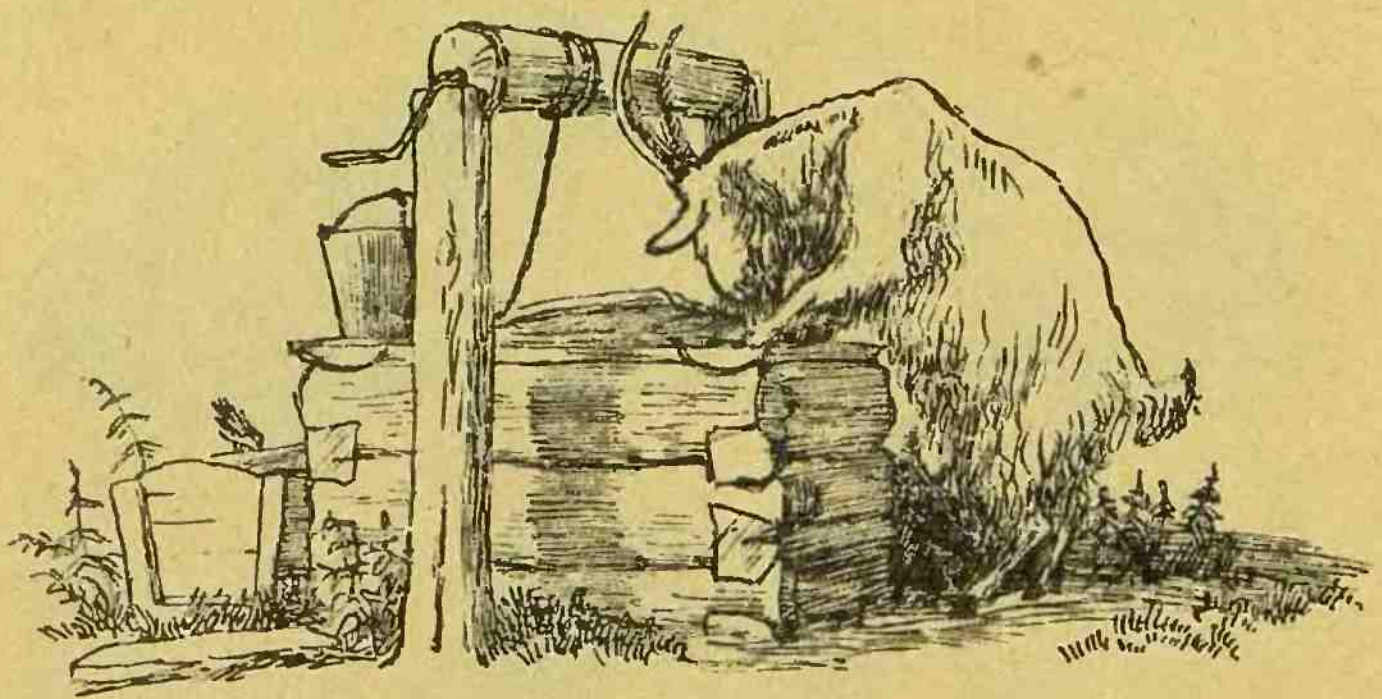
— Уступи мне дорогу, — сказал один.

— Вот ещё, поди-ка ты, какой важный барин! — отвечал другой. — Пяťся назад: я первый взошёл на мост.

— Нет, брат! Я гораздо постарше тебя годами, и мне уступить молокоосу! Ни за что!

Тут оба, долго не думавши, столкнулись крепкими лбами, сцепились рогами и, упираясь тоненькими ножками в колоду, стали драться. Но колода была мокра; оба упряма поскользнулись и полетели прямо в воду.

ЛИСА И КОЗЁЛ

Бежала лиса, на ворон зазевалась, — и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет.

Идёт козёл, умная голова; идёт, боролицей трясёт, рожищами мотает; заглянул, от нечего делать, в колодец, увидел там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисонька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик, — отвечает лиса. — Там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно.

А козлу давно пить хочется. «Хороша ли вода-то?» — спрашивает козёл.

— Отличная! — отвечает лиса. — Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козёл, чуть лисы не задавил, а она ему:

— Эх, бородатый дурень! — и прыгнуть-то не умел — всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козёл с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

ЖАЛОБЫ ЗАЙКИ

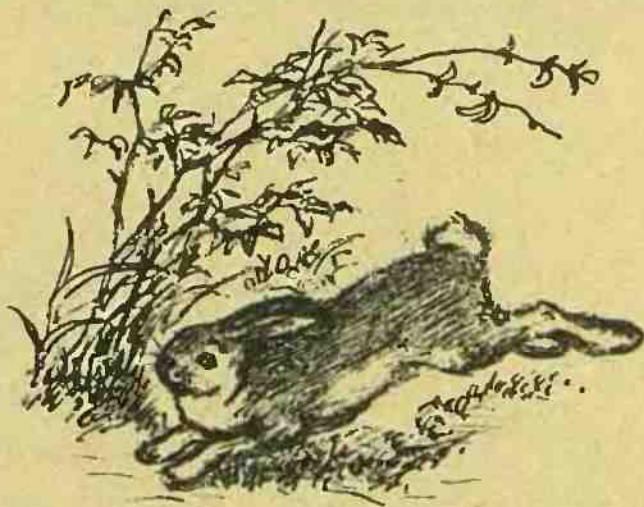
Растужился, расплакался серенький зайка, под кустиком сидючи; плачет, приговаривает:

«Нет на свете доли хуже моей, серенького зайки! И кто только не точит зубов на меня? Охотники, собаки, волк, лиса и хищная птица; кривоносый ястреб, пучеглазая сова; даже глупая ворона и та таскает своими кривыми лапами моих милых детушек — сереньких зайчат. Отовсюду грозит мне беда; а защищаться-то нечем: лазить на дерево, как белка, я не могу; рыть нор, как кролик, не умею. Правда, зубки мои исправно грызут капустку и кору гложут, да укусить смелости не хватает. Бегать я таки мастер и прыгаю недурно; но хорошо, если придётся бежать по ровному полю или на гору, а как под гору — то и пойдёшь кувырком через голову: передние ноги не доросли.

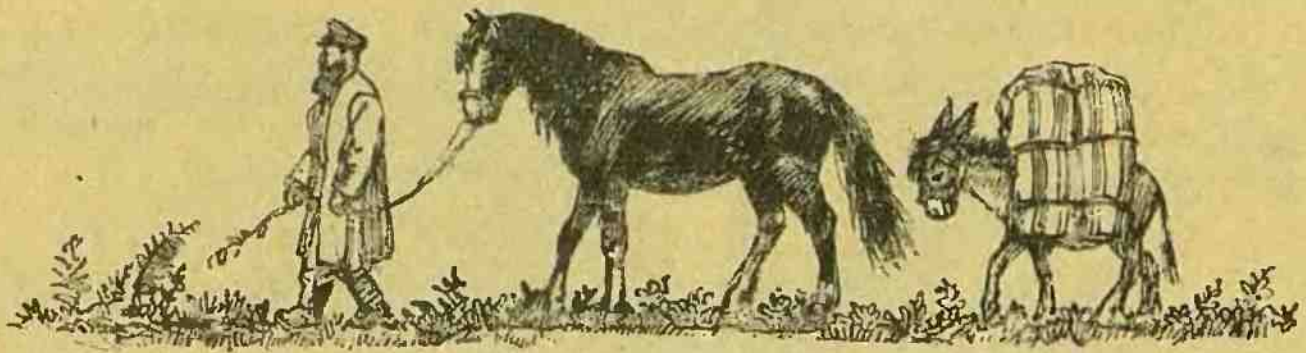
Всё бы ещё можно жить на свете, если б не трусость негодная. Заслышишь шорох, — уши подымутся, сердчишко забьётся, не взвидишь света, пырскнешь из куста, — да и уголишь прямо в тенёта или охотнику под ноги.

Ох, плохо мне, серенькому зайке! Хитришь, по кустикам прячешься, по за кочками слоняешься, следы путаешь; а рано или поздно беды не миновать: и потащит меня кухарка на кухню за длинные уши.

Одно только и есть у меня утешение, что хвостик коротенький: собаке схватить не за что. Будь у меня такой хвостик, как у лисицы, куда бы мне с ним деваться? Тогда бы, кажется, пошёл и утопился».

ЛОШАДЬ И ОСЁЛ

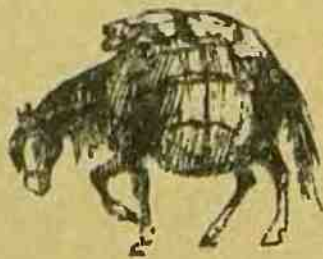
Прекрасная, сильная лошадь, без всякой поклажи, и тяжело навьюченный осёл шли по дороге за своим хозяином.

— Любезная лошадь, — сказал осёл, — возьми на себя хотя маленькую часть моей ноши; я задыхаюсь под тяжестью!

Лошадь гордо отказалась. Вздохнул бедный осёл и, опустив уши, побрёл далее, но, протащившись ещё кое-как с версту, пошатнулся, упал и издох.

Теперь только увидел хозяин, как он был несправедлив к бедному животному и что напрасно баловал он сильную, молодую лошадь. Погоревал хозяин, попенял на себя; но делать нечего, надобно было ехать далее.

И вот он навьючил всю ослиную ношу на гордую лошадь да прибавил к ноше ещё и ослиную кожу, которой он не хотел даром бросить на дороге. . .

МЕДВЕДЬ

И

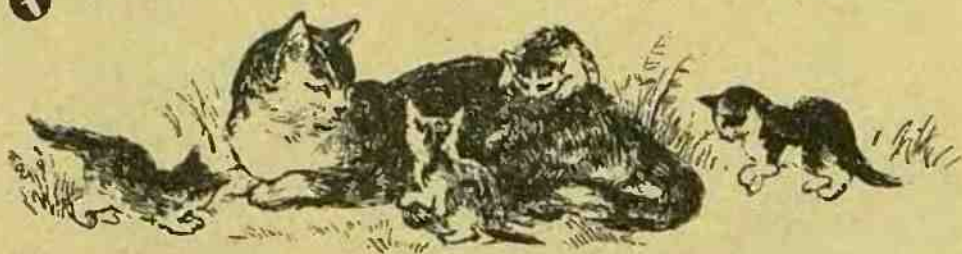
БРЕВНО

Идёт медведь по лесу и разнохивает: нельзя ли чем съестным поживиться? Чует — мёд! Поднял Миша морду кверху и видит на сосне улей, под ульем гладкое бревно на верёвке висит; но Мише до бревна дела нет. Полез медведь на сосну, долез до бревна; нельзя лезть выше, — бревно мешает. Миша оттолкнул бревно лапой; бревно легонько откатнулось назад — и стук медведя по башке. Миша оттолкнул бревно крепче — бревно ударило Мишу посильнее. Рассердился Миша и хватил бревно изо всей силы; бревно откатнулось сажени на две назад — и такхватило Мишу, что чуть он с дерева не свалился. Рассвирепел медведь, забыл и про мёд, хочется ему бревно доконать: ну его валять, что есть силы, и без сдачи ни разу не остался. Дрался Миша с бревном до тех пор, пока весь избитый не свалился с дерева; под деревом-то были колышки натыканы — и поплатился медведь за безумный гнев своею тёплой шкурою.

О Р Ё Л И К О Ш К А

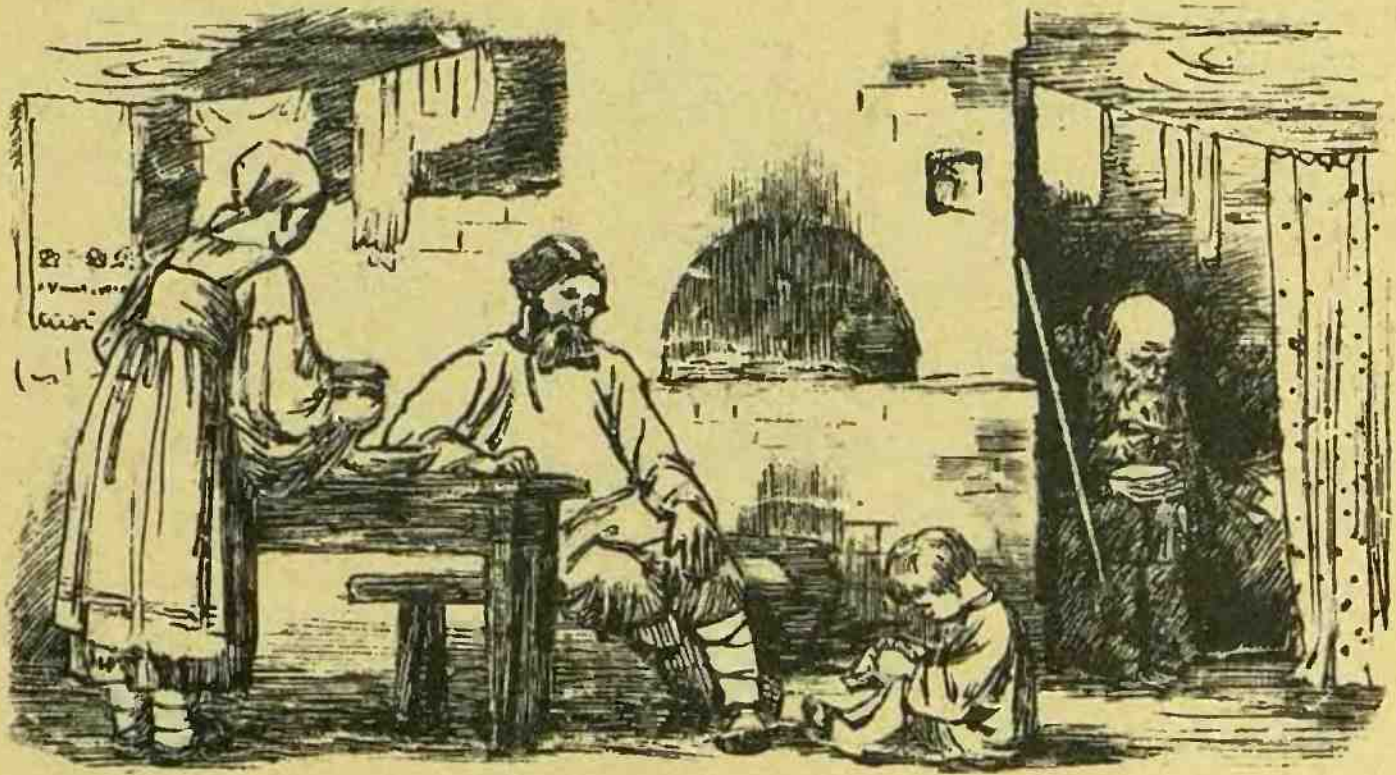
За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива.

Вдруг, откуда ни возьмись, огромный степной орёл; как молния, спустился он с вышины и схватил одного котёнка. Но не успел ещё орёл подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва на смерть.

Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орёл всё ещё был очень силен, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы. сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась обливать своего израненного котёнка.

Д Е Д У Ш К А

Сильно одряхлел дедушка. Плохо он видел, плохо слышал; руки и ноги у него дрожали от старости: несёт ложку ко рту и суп расплёскивает.

Не понравилось это сыну и невестке: перестали они отца с собой за стол сажать, запрятали его за печь и стали кормить из глиняной чашки. Задрожали руки у старика, чашка упала и разбилась. Пуще прежнего разозлились сын и невестка: стали они кормить отца из старой деревянной миски.

У старикова сына был свой маленький сынок. Сидит раз мальчик на полу и складывает что-то из щепочек.

— Что ты делаешь, дитяtko? — спросила у него мать.

— Коробочку, — отвечает дитя. — Вот как вы с тятень-

кой состаритесь, я и буду вас из деревянной коробочки кормить.

Переглянулись отец с матерью и покраснели. Полно с тех пор старика за печь прятать, из деревянной чашки кормить.

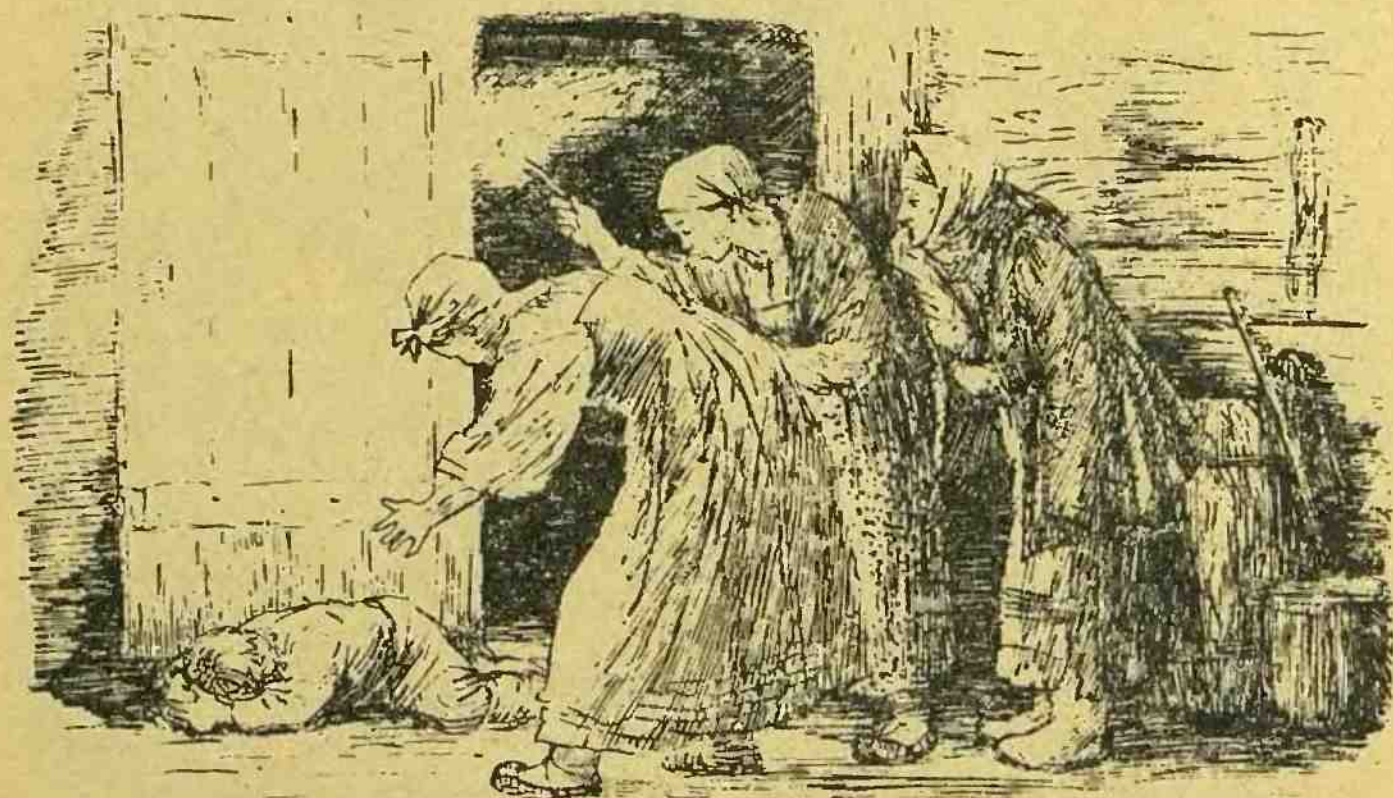

ТРУСЛИВЫЙ ВАНЯ

Замесила мать Вани тесто в квашне и поставила на печь киснуть, а сама ушла к соседке.

В сумерках пришёл Ваня домой, окликнул — никого

в избе нет. Вот и хотел он огоньку вздуть, как слышит: кто-то на печи пыхтит. «Видно, домово́й!» — подумал Ванюша, затрясся от страха, выпустил из рук лучину — да бежать. Впотымах наступил Баня на кочергу, а она его по лбу.

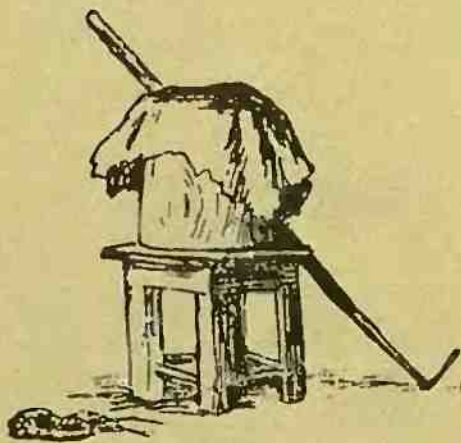
— Ай-ай, батюшки, помогите! Помогите! — завопил Ваня и хотел было вон из избы.

На ту беду разулся у него лапоть, и Ванюша прихлопнул дверью оборку от лаптя; растянулся в сенях и вопит благим матом:

— Ай, батюшки! Ай, соседушки! Помогите! Отымите! Держит меня домово́й!

Прибежали соседи, подняли Ванюшу ни жива, ни мертва; а как узнали в чём дело, то и стали над ним смеяться.

Долго потом все дразнили Ванюшу и расспрашивали его: как это он испугался теста в квашне, кочерги в углу, лаптя на своей ноге?

ВАРЁНЫЙ ТОПОР

Пришёл солдат в село на квартиру и говорит хозяйке:
— Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

— Вон там, родимый, на гвоздике повесь.

— Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

— Где хочешь, там и заночуешь.

— Ах ты, старая дура! погоди, я те глухоту-то вылеку. — И полез было солдат к ней с кулаками:

— Подавай, старая, на стол!

— Да нечего, родимый!

— Вари кашу!

— Да не из чего, родимый!

— Давай топор; я из топора сварю.

«Что за диво! — думает старуха. — Дай-ка посмотрю, как он из топора кашу сварит», — и принесла топор.

Солдат положил топор в горшок, налил воды, поставил в печь и давай варить. Варил-варил, попробовал и говорит:

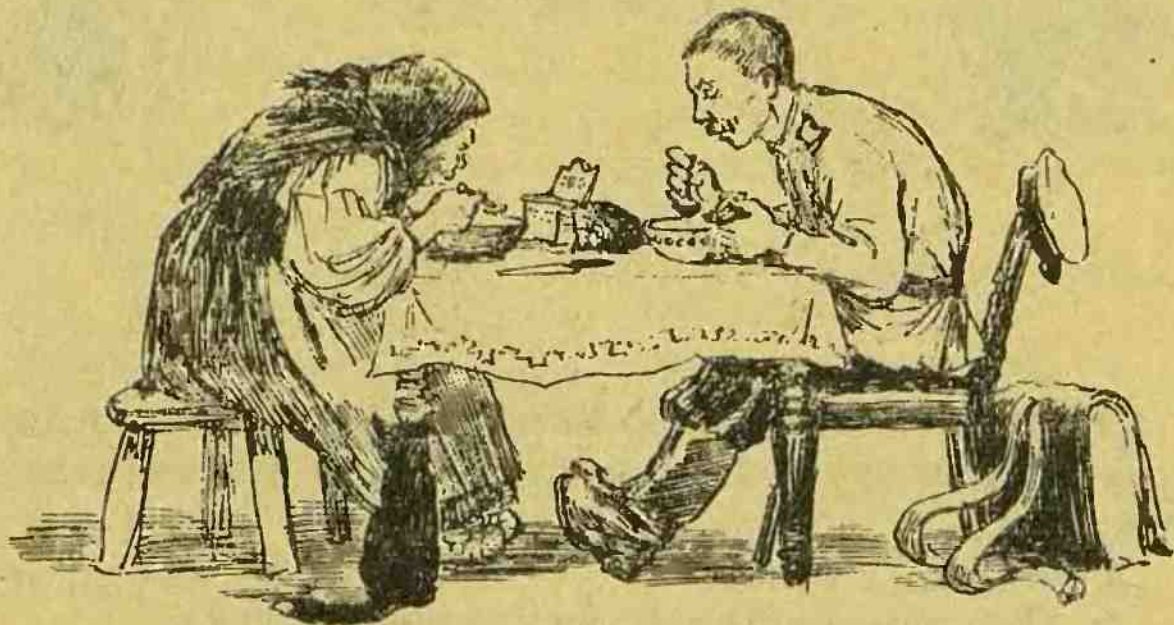
— Всем бы каша взяла, только бы круп подсыпать.

Принесла баба круп. Солдат опять стал варить, попробовал и говорит:

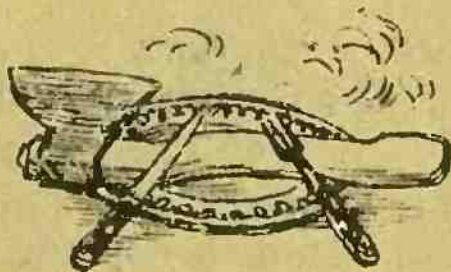
— Совсем бы каша готова, только бы маслицем сдобрить.

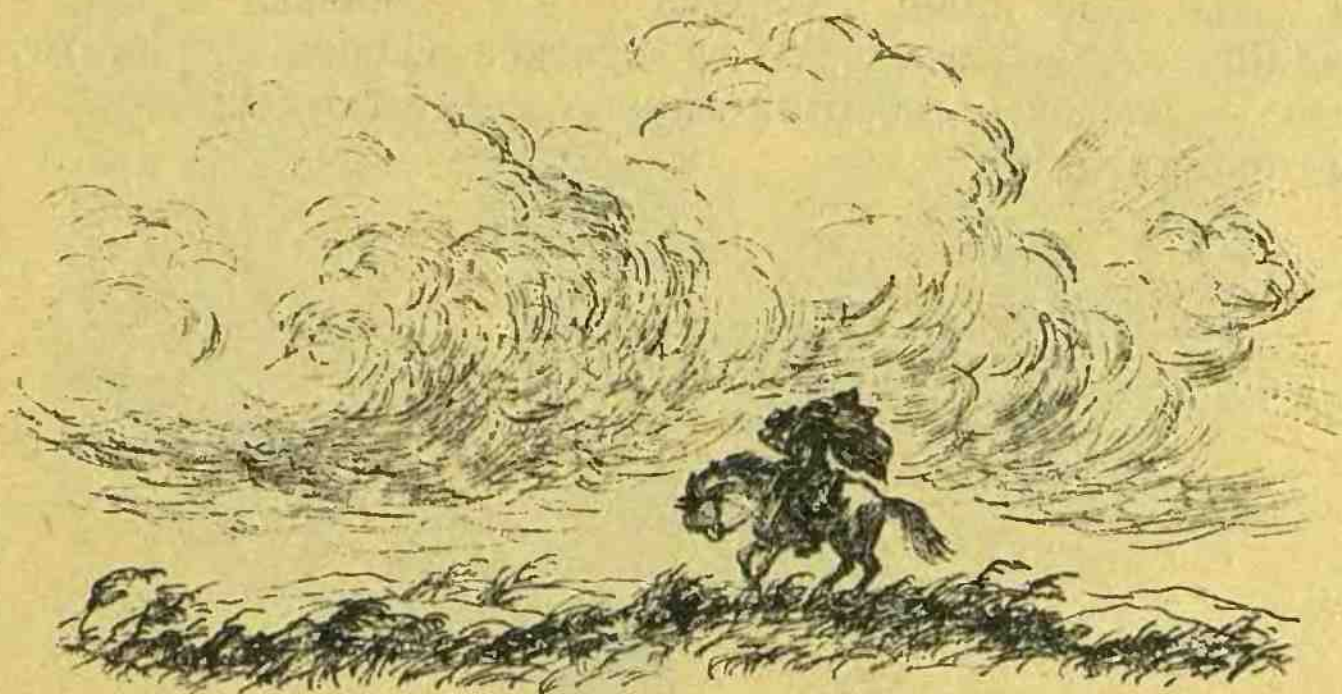
Принесла ему баба и масла. Сварил солдат кашу.

— Ну, старуха, — говорит, — давай теперь хлеба да соли, да берись за ложку: станем кашу есть.
Похлебали вдвоём кашу, старуха и спрашивает:

— А что же, служивый, когда топор будем есть?
Солдат ткнул в топор вилкой и говорит:
— Ещё не доварился, сама завтра довари!

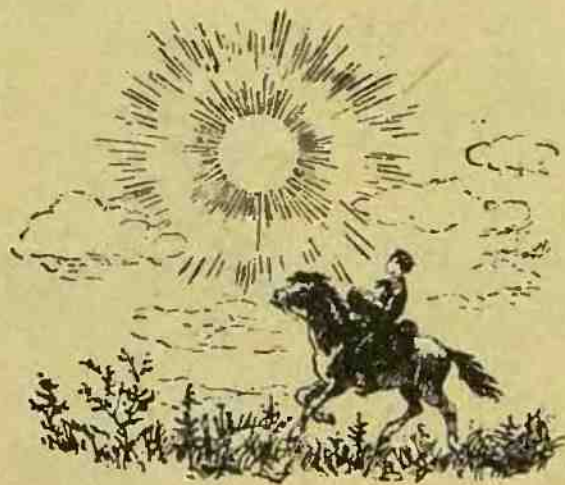

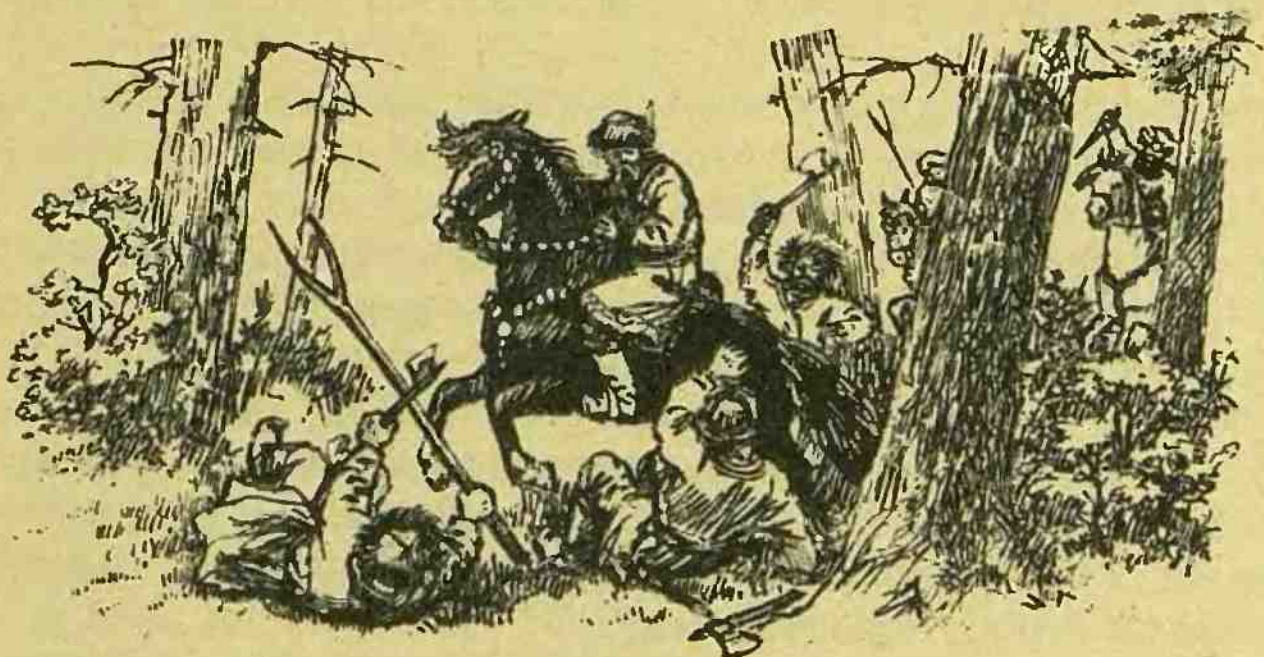

В Е Т Е Р И С О Л Н Ц Е

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и, наконец, решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге. «Посмотри, — сказал Ветер, — как я налечу на него: мигом сорву с него плащ». Сказал, — и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал всё дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождём и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уже Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдёрнуть. Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамёрзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце,

сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.
«Видишь ли, — сказало тогда кроткое Солнце сердитому
Ветру: — лаской и добротой можно сделать гораздо более,
чем гневом».

С Л Е П А Я Л О Ш А Д Ъ

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было ещё на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагружённые дорогими товарами, плавали по далёким морям.

Уседом был очень богат и жил роскошно; может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно всё, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшнях Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра — так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту её ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого

хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своём любимом коне через большой и тёмный лес. Дело было под вечер, лес был страшно тёмн и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинёшенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки.

Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почуяв на узде чужую руку, конь рванулся вперёд, своей широкой, сильной грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забежал вперёд и хотел было преградить ему дорогу, и помчался, как вихрь.

Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня!

Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собой разъярённых злодеев.

Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своём добром коне, с которого пена клочьями валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не присмотрел сам за лошадыю, а ленивый работник не выводил изму-

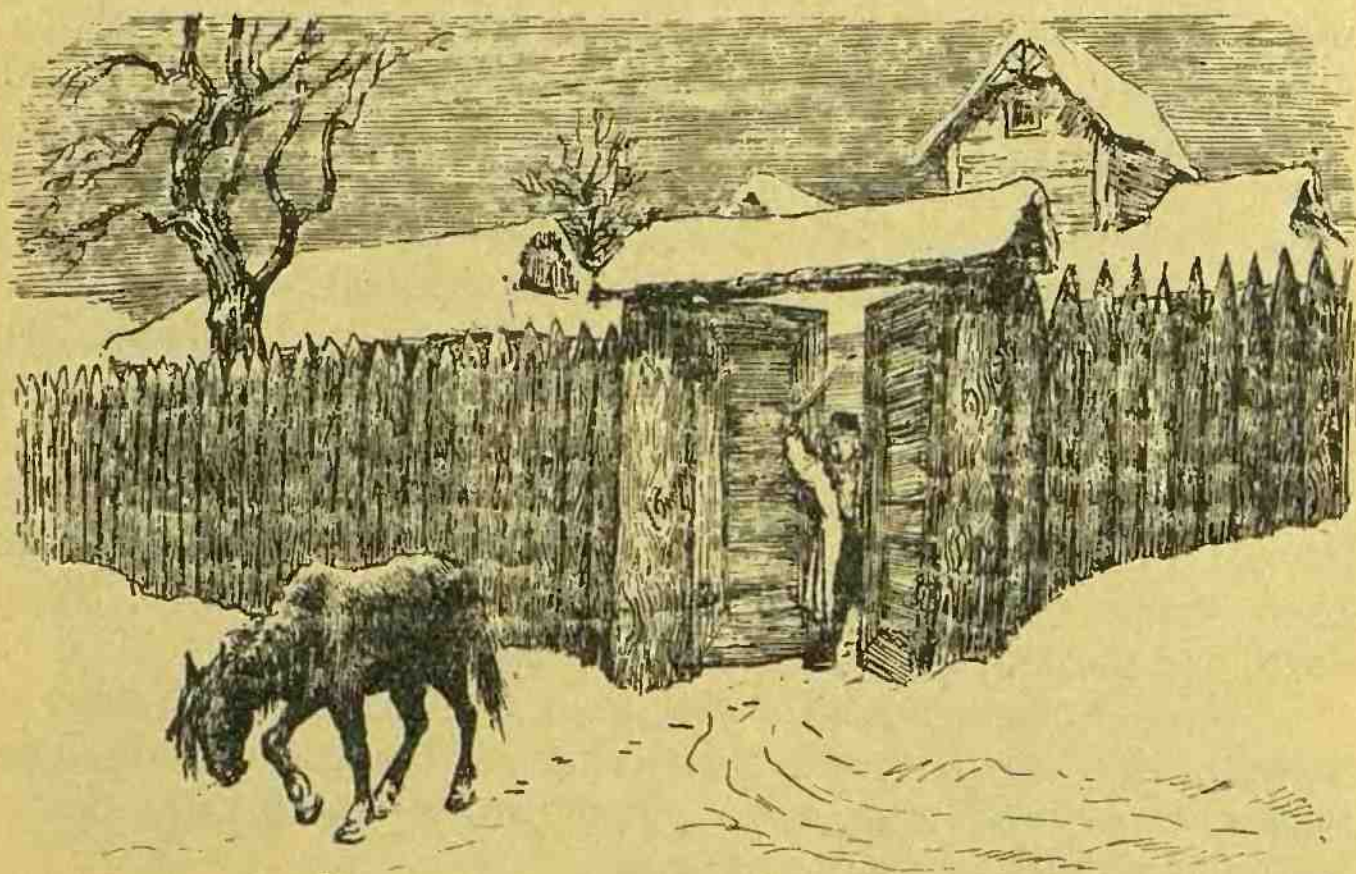
ченного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп.

Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал своё обещание: слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса.

Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчётливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Ещё прошло полгода; слепой конь был ещё молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере. Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шёл.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним

делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошёл снег, спать на камнях было жёстко и холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте; но, наконец, голод заставил её искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадётся ли где-нибудь хоть клочок соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вечем. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырёх столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным, и требовать от народа суда и защиты.

Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и, думая, может быть, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за верёвку, привязанную к языку колокола, и стала дёргать; колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то, что было ещё рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты.

Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина — и удивились, увидя посреди площади бедного коня, слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось в чём дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол.

Потребовали на площадь неблагодарного купца; несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить её до самой её смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади. . .

ОХОТНИК

ДО СКАЗОК

Жил себе старик со старухой, и был старик большой охотник до сказок и всяких рассказней.

Приходит зимою к старику солдат, просится ночевать.

— Пожалуй, служба, ночуй,— говорит старик,— только с уговором: всю ночь мне рассказывай; ты человек бывалый, много видел, много знаешь.

Солдат согласился.

Поужинали старик с солдатом, и легли они оба на полати рядышком, а старуха села на лавке и стала при лучине прясть.

Долго рассказывал солдат старику про своё житьё-бытьё, где был и что видел.

Рассказывал до полуночи, а потом помолчал немного и спрашивает у старика:

— А что, хозяин, знаешь ли ты, кто с тобой на полатах лежит?

— Как кто? — спрашивает хозяин. — Вестимо, солдат.

— Ан нет, не солдат, а волк.

Поглядел мужик на солдата — и точно волк. Испугался старик, а волк ему и говорит:

— Да ты, хозяин, не бойся, погляди на себя, ведь и ты медведь.

Оглянулся на себя мужик — и точно стал он медведем.
— Слушай, хозяин, — говорит тогда волк, — не приходится нам с тобою на полатях лежать; чего доброго, придут в избу люди, так нам смерти не миновать. Убежим-ка, пока целы.

Вот и побежали волк с медведем в чистое поле.

Бегут, а навстречу им хозяинова лошадь. Увидел волк лошадь и говорит:

— Давай съедим!

— Нет, ведь это моя лошадь, — говорит старик.

— Ну так что ж, что твоя, голод не тётка.

Съели они лошадь и бегут дальше, а навстречу им старуха, старикова жена.

Волк опять и говорит:

— Давай старуху съедим.

— Как есть? Да ведь это моя жена, — говорит медведь.

— Какая твоя! — отвечает волк.

Съели и старуху.

Так-то пробежали медведь с волком целое лето. Настаёт зима.

— Давай, — говорит волк, — заляжем в берлогу; ты полезай дальше, а я спереди лягу. Когда найдут нас охотники, то меня первого застрелят, а ты смотри: как меня убьют да начнут шкуру сдирать, выскочи из берлоги да через шкуру мою переметнись — и станешь опять человеком.

Вот лежат медведь с волком в берлоге; набрали на них охотники, застрелили волка и стали с него шкуру снимать.

А медведь как выскочит из берлоги да кувырком через волчью шкуру... и полетел старик с полатей вниз головой.

— Ой, ой! — завопил старый. — Всю спинушку себе отбил.

Старуха перепугалась и вскочила:

— Что ты? Что с тобой, родимый? Отчего упал? Кажись, и пьян не был!

— Как отчего? — говорит старик. — Да ты, видно, ничего не знаешь!

И стал старик рассказывать: мы-де с солдатом зверьём были; он волком, я медведем, лето целое пробегали, лошадушку нашу съели и тебя, старуха, съели.

Взялась тут старуха за бока и ну хохотать.

— Да вы, — говорит, — оба уже с час на полатях во всю мочь храпите, а я сидела да пряла.

Больно расшибся старик; перестал он с тех пор до полуночи сказки слушать.

У Ч Ё Н Ы Й М Е Д В Е Д Ъ

— Дети! Дети! — кричала няня. — Идите медведя смотреть.

Выбежали дети на крыльцо, а там уже много народу собралось. Нижегородский мужик, с большим колом в руках, держит на цепи медведя, а мальчик приготовился в барабан бить.

— А ну-ка, Миша, — говорит нижегородец, дёргая медведя цепью, — встань, подымись, с боку на бок перевались, честным людям поклонись и молодкам покажись.

Заревел медведь, нехотя поднялся на задние лапы, с ноги на ногу переваливается, направо, налево раскланивается.

— А ну-ка, Мишенька, — продолжает нижегородец, — покажи, как малые ребятишки горох рвут: где сухо — на брюхе, а мокренько — на коленочках.

И пополз Миша, на брюхо припадает, лапой загребает, будто горох дёргает.

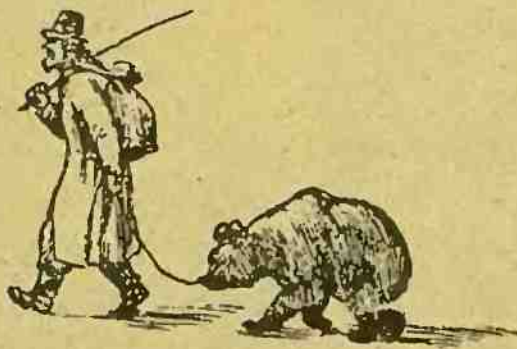
— А ну-ка, Мишенька! Покажи, как бабы на работу идут.

Идёт медведь, нейдёт; назад оглядывается, лапой за ухом скребёт.

Несколько раз медведь показывал досаду, ревел, не хотел вставать, но железное кольцо цепи, продетое в губу, и кол в руках хозяина заставляли бедного зверя повиноваться. Когда медведь переделал все свои штуки, нижегородец сказал:

— А ну-ка, Миша! Теперича с ноги на ногу перевались, честным людям поклонись, да не ленись, да пониже поклонись! Потешь народ и за шапку берись: хлеб положат, так съешь; а деньги, так ко мне вернись!

И пошёл медведь, с шапкой в передних лапах, обходить зрителей. Дети положили гривенник; но им было жаль бедного Миши: из губы, продетой кольцом, сочилась кровь.

ДЕТИ В РОЩЕ

Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

— Знаешь ли что? — сказал брат сестре. — В школу мы ещё успеем. В школе теперь и душно, и скучно, а в роще, должно быть, очень весело! Послушай, как кричат там птички! А белок-то, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра?

Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуки в траву, взяли за руки и скрылись между зелёными кустами, под кудрявыми берёзками. В роще, точно, было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые суетились в траве.

Прежде всего дети увидели золотого жучка.

— Поиграй же с нами, — сказали дети жучку.

— С удовольствием бы, — отвечал жук, — но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

— Поиграй с нами, — сказали дети жёлтой мохнатой пчёлке.

— Некогда мне играть с вами, — отвечала пчёлка, — мне нужно собирать мёд.

— А ты не поиграешь ли с нами? — спросили дети у муравья.

Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить своё хитрое жильё.

Дети обратились было к белке, предлагая ей также поиграть с ними; но белка махнула пушистым хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму.

Голубь сказал:

— Строю гнездо для своих маленьких деток.

Серенький зайчик бежал к ручью умыться свою мордочку.

Белому цветку земляники тоже некогда было заниматься детьми. Он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробегал ручей через рощу.

— Тебе уж, верно, нечего делать? — сказали ему дети. — Поиграй же с нами.

— Как! Мне нечего делать? — прожурчал сердито ручей. — Ах вы, ленивые дети! Посмотрите на меня: я работаю днём и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве я не пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет бельё, вертит мельничные колёса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идёт кругом! — прибавил ручей и принялся журчать по камням.

Детям стало ещё скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уж, идучи из школы,

зайти в рощу. Но в это самое время мальчик заметил на зелёной ветке крошечную красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала превесёлую песенку.

— Эй ты, весёлый запеваля! — закричал малиновке мальчик. — Тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать; поиграй же с нами.

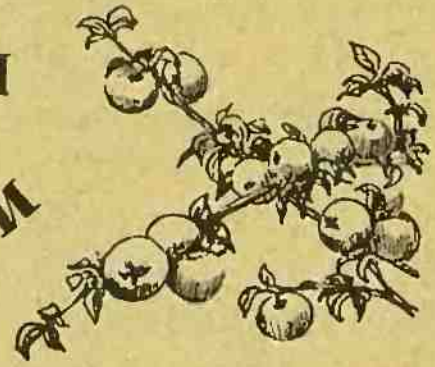
— Как, — просвистела обиженная малиновка, — мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток? Я так устала, что не могу поднять крыльев; да и теперь убаюкиваю песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаёте по роще да ещё мешаёте другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал всё, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно; они пошли в школу, и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЯБЛОНЬКИ

I

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки.

Одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко пригрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первых листика. Из-промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой — и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко.

Пришёл в лес садовник с заступом, увидел яблоньку и говорит: «Вот хорошее деревцо, оно мне пригодится».

Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает: «Пропала я совсем!» Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенёс её в сад и посадил в хорошую землю.

II

Загордилась яблонька в саду: «Должно быть, я редкое дерево, — думает она, — когда меня из лесу в сад перенесли», — и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками; не знала она, что попала в школу.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать.

Задрожала яблонька и думает: «Ну теперь-то я совсем пропала».

Срезал садовник всю зелёную верхушку деревца, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони; закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепу колышками и ушёл.

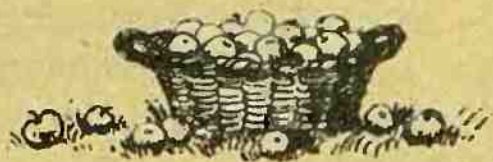
III

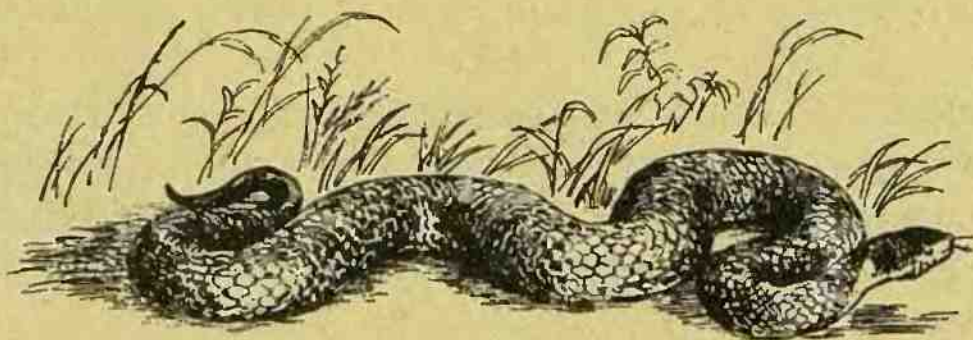
Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой.

Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, листок за листком, выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой; и года через три зацвело деревцо бело-розовыми душистыми цветами.

Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки; да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые!

И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

Г А Д Ю К А

Вокруг нашего хутора, по оврагам и мокрым местам, водилось немало змей.

Я не говорю об ужах: к безвредному ужу у нас так привыкли, что и змей-то его не зовут. У него есть во рту небольшие острые зубы, он ловит мышей и даже птичек и, пожалуй, может прокусить кожу; но нет яду в этих зубах, и укушение ужа совершенно безвредно.

Ужей у нас было множество; особенно в кучах соломы, что лежала около гумна; как пригреет солнышко, так они и выползут оттуда; шипят, когда подойдёшь, язык или жало показывают, но ведь не жалом змеи кусают. Даже в кухне под полом водились ужи, и как станут, бывало, дети, сидя на полу, молоко хлебать, так уж и выползет и к чашке голову тянет, а дети его ложкой по лбу.

Но водились у нас не одни ужи: водилась и ядовитая змея, чёрная, большая, без тех жёлтых полосок, что видны у ужа около головы. Такую змею зовут у нас гадюкою. Гадюка нередко кусала скот, и если не успеют, бывало, позвать с села старого деда Охрима, который знал какое-то лекарство против укушения ядовитых змей, то скотина непременно падёт — раздует её, бедную, как гору.

Один мальчик у нас также умер от гадюки. Укусила она его около самого плеча, и прежде чем пришёл Охрим, опухоль

перешла с руки на шею и грудь; дитя стало бредить, метаться и через два дня померло. Я в детстве много слышал про гадюк и боялся их страшно, как будто чувствовал, что мне придётся встретиться с опасной гадиной.

Косили у нас за садом, в сухой балке, где весной всякий год бежит ручей, а летом только сыровато и растёт высокая, густая трава. Всякая косовица была для меня праздником, особенно как сгребут сено в копны. Тут, бывало, и станешь бегать по сенокосу и со всего размаху кидаться в копны и барахтаться в душистом сене, пока не прогонят бабы, чтобы не разбивал копён.

Вот так-то и в этот раз бегал я и кувыркался: баб не было, косари пошли далеко, и только наша чёрная большая собака Бровко лежала на копне и грызла кость.

Кувыркнулся я в одну копну, повернулся в ней раза два и вдруг вскочил с ужасом. Что-то холодное и скользкое мазнуло меня по руке. Мысль о гадюке мелькнула в голове моей, и что же? Огромная гадюка, которую я беспокоил, вылезла из сена и, подымаясь на хвост, готова была на меня кинуться.

Вместо того чтобы бежать, я стою как окаменелый, будто гадина зачаровала меня своими безвековыми, неморгающими глазами. Ещё бы минута — и я погиб; но Бровко, как

стрела, слетел с копны, кинулся на змею, и завязалась между ними смертельная борьба.

Собака рвала змею зубами, топтала лапами; змея кусала собаку и в морду, и в грудь, и в живот. Но через минуту только клочки гадюки лежали на земле, а Бровко кинулся бежать и исчез.

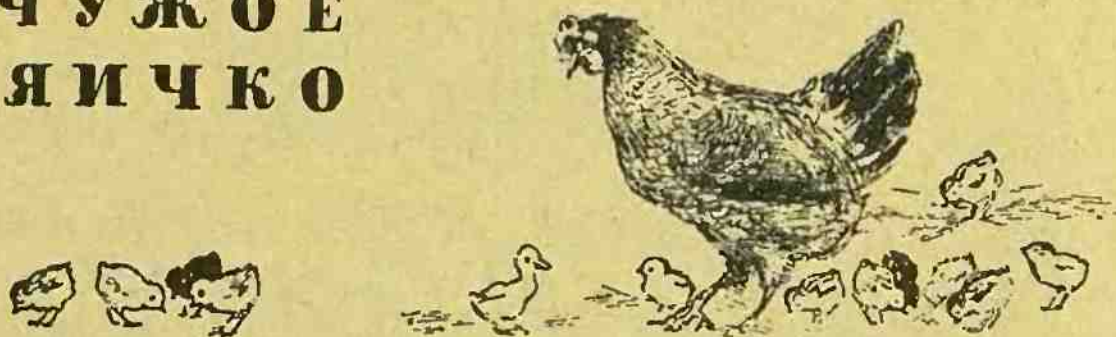
Тут только воротился ко мне голос; я стал кричать и плакать; прибежали косари и косами добились еще трепетавшие куски змеи.

Но страннее всего, что Бровко с этого дня пропал и скитался неизвестно где.

Только через две недели воротился он домой: худой, тощий, но здоровый. Отец говорил мне, что собаки знают траву, которую они лечатся от укушения гадюки.

ЧУЖОЕ ЯИЧКО

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала тёмное укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены тринадцать яиц, и усадила на них хохлатку.

Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и побольше прочих.

Сидит курица прилежно, греет яички, сбегает поклевать зёрнышек, попить водицы — и опять на место; даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая, шипит, клокчет, даже петушку не даёт подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в тёмном уголке делается.

Просидела курочка недели с три, и стали из яичек цыплята выклёвываться, один за другим; проклюнет скорлупку носом, выскочит, отряхнётся и станет бегать, ножками пыль разгребать, червячков искать.

Позже всех проклюнулся цыплёнок из зеленоватого яичка.

И какой же странный он вышел; кругленький, пушистый, жёлтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. «Странный у меня вышел цыплёнок, — думает курица, — и клюёт, и ходит-то он не по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается».

Подивилась курица своему цыплёнку, однако же какой ни на есть, а всё сын. И любит, и бережёт его курица, как и прочих, а если завидит ястреба, то, распутивши перья

и широко раздвинув круглые крылья, прячет под себя своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

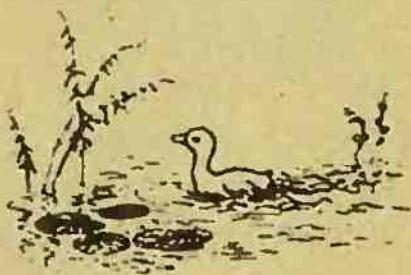
Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: там-де червей больше и земля мягче.

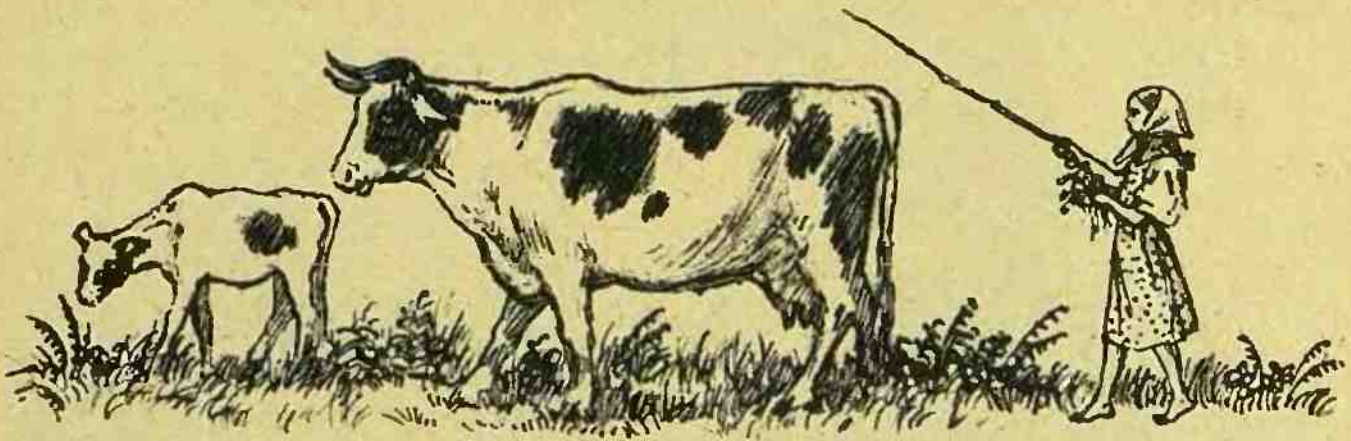
Как только коротконогий цыплёнок завидел воду, так прямо и кинулся в неё. Курица кричит, крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суется, пищат, и один петушок с испугу даже вскочил на камешек, вытянул шейку и в первый ещё раз в своей жизни заорал осиплым голоском: «Ку-ку-ре-ку!» Помогите, мол, добрые люди! Братец тонет!

Но братец не утонул, а превесело и легко, как клочок хлопчатой бумаги, плавал себе по воде, загребая воду своими широкими перепончатыми лапами.

На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала: «Ахти, грех какой! Видно, это я сослепу подложила утиное яйцо под курицу».

А курица так и рвалась к пруду; насилу могли отогнать бедную.

БОДЛИВАЯ КОРОВА

Была у нас корова, да такая характерная, бодливая, что беда! Может быть, потому и молока у неё было мало.

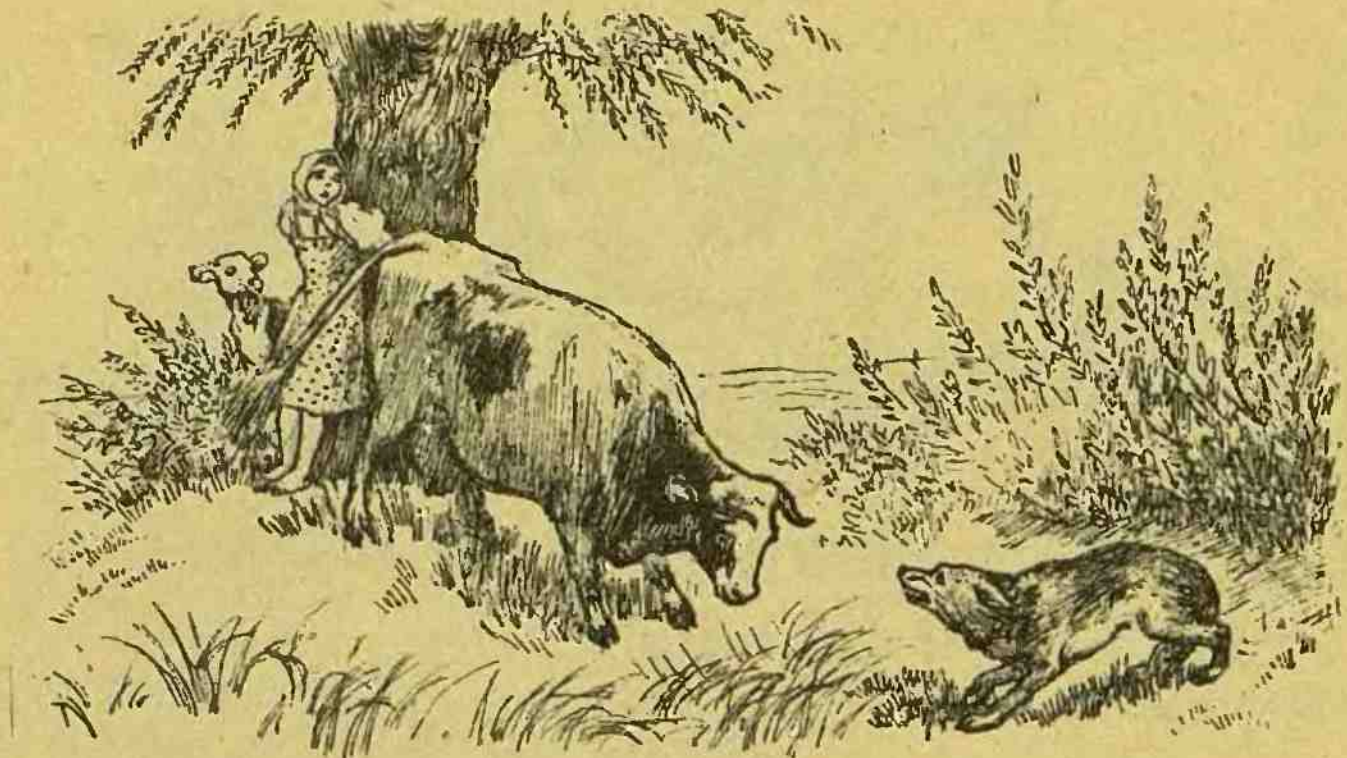
Помучились с ней и мать, и сёстры. Бывало, прогонят в стадо, а она или домой в полдень придерёт, или в житах очутится, — иди, выручай!

Особенно, когда бывал у неё телёнок — удержу нет! Раз даже весь хлев рогами разворотила, к телёнку билась; а рога-то у неё были длинные да прямые. Уж не раз собирался отец ей рога отпилить, да как-то всё откладывал, будто что предчувствовал старый.

А какая была увёртливая да прыткая! Как поднимет хвост, опустит голову да махнёт, — так и на лошади не догонишь.

Вот раз летом прибежала она от пастуха, ещё задолго до вечера: было у неё дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорит сестре — девочке этак лет двенадцати: «Погони, Феня, их к речке, пусть на бережку попасутся, да смотри, чтоб в жито не затесались. До ночи еще далеко; что им тут без толку стоять».

Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережок, пустила пастись, а сама под вербой села

и стала венки плести из васильков, что по дороге во ржи нарвала; плетёт и песенку поёт.

Слышит Феня, что-то в лозняке зашуршало, а речка-то с обоих берегов густым лозняком обросла.

Глядит Феня, что-то серое сквозь густой лозняк продирается, и покажись глупой девочке, что это наша собака Серко. Известно, волк на собаку совсем похож, только шея неповоротливая, хвост палкой, морда понурая и глаза блестят; но Феня волка никогда вблизи не видала.

Стала уже Феня собаку манить: «Серко, Серко!» как смотрит — телёнок, а за ним корова несутся прямо на неё, как бешеные. Феня вскочила, прижалась к вербе, не знает, что делать; телёнок к ней, а корова их обоих задом к дереву прижала, голову наклонила, ревёт, передними копытами землю роет, рога-то прямо волку выставила.

Феня перепугалась, обхватила дерево обеими руками, кричать хочет — голосу нет. А волк прямо на корову кинулся, да и отскочил: с первого раза, видно, задела его рогом. Видит волк, что нахрапом ничего не возьмёшь, и стал он кидаться то с той, то с другой стороны, чтобы как-нибудь сбоку

в корову вцепиться или теля отхватить, — только, куда ни кинется, везде рога ему навстречу.

Феня всё ещё не догадывается, в чём дело, хотела бежать, да корова не пускает, так и жмёт к дереву.

Стала тут девочка кричать, на помощь звать. . . Наш казак пахал тут на взгорке, услышал, что и корова-то ревёт и девочка кричит, кинул соху и прибежал на крик.

Видит казак, что делается, да не смеет с голыми руками на волка сунуться: такой он был большой да остервенелый; стал казак сына кликать, что пахал тут же на поле.

Как завидел волк, что люди бегут, — унялся, огрызнулся ещё раз, два, завыл, да и в лозняк.

Феню казаки едва домой довели — так перепугалась девочка.

Порадовался тогда отец, что не отпилил корове рогов.

СОДЕРЖАНИЕ

Четыре желания	3
Пчёлки на разведках	5
Проказы старухи-зимы	7
Умей обождать	9
Мужик и медведь (сказка)	11
Лиса и кувшин (сказка)	12
Журавль и цапля (сказка)	13
Как аукнется, так и откликнется (сказка)	15
Петух и собака (сказка)	17
Плутиска-кот (сказка)	19
Два козлика	23
Лиса и козёл	24
Жалобы зайки	26
Лошадь и осёл	28
Медведь и бревно	29
Орёл и кошка	30
Дедушка	31
Трусливый Ваня	33
Варёный топор	35
Ветер и Солнце	37
Слепая лошадь	39
Охотник до сказок	44
Учёный медведь	47
Дети в роще	49
История одной яблоньки	52
Гадюка	54
Чужое яичко	57
Бодливая корова	59

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст. Пишите по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

К. Д. Ушинский

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Ответственный редактор *Э. Г. Меркулова.*
Художник-редактор *Ю. Н. Киселев.*
Технический редактор *Л. Б. Леонтьева.*
Корректоры *К. Д. Немковская* и *Н. В. Богачева.*

Подписано к набору 6/IV 1959 г.

Подписано к печати 30/VI 1959 г.

Формат 70 × 92¹/₁₆. Печ. л. 4.

Усл. п. л. 4,67. Уч.-изд. л. 2,53.

Тираж 400 000 экз. Ленинградское отделение
Детгиза. Ленинград, наб. Кутузова, 6.

Заказ № 513. Цена 90 к.

2-я фабрика детской книги Детгиза Мини-
стерства просвещения РСФСР. Ленинград,
2-я Советская, 7.

150 =

52017

90 к.